

О.Е. ДЕНИСОВА

*(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Орел, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Софиев Ю.Б.)»19»

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,2

СУДЬБА ПОЭТА-РЕЭМИГРАНТА Ю.Б.СОФИЕВА

Аннотация: Цель данной статьи – проследить творческую биографию поэта-реэмигранта Ю.Б. Софиева, вернувшегося в СССР в 1955 году. Некоторые его стихотворения публиковались в советских журналах: «Охотничьи просторы», «Рыболов-спортсмен», «Туристские тропы». Особенности тематики и композиционной структуры стихотворений Ю.Б. Софиева в этот период свидетельствуют о мучительном поиске поэтом пути к советскому читателю.

Ключевые слова: поэт-реэмигрант, охотничьи журналы, советская поэзия, художественная правда

Юрий Борисович Софиев (7/20 февраля 1899 – 22 мая 1975 гг.) является автором трех стихотворных книг: «Годы и камни» (1936), изданной при жизни поэта в Париже, «Парус» (2003) и «Синий дым» (2013), вышедших после его смерти в Алма-Ате. Он активно участвовал в деятельности различных творческих объединений и литературных кружков русской эмиграции «первой волны». Его стихотворения публиковались в белградском сборнике «Гамаюн» (1924), в поэтических сборниках «Союза молодых поэтов и писателей в Париже», в журналах и альманахах – «Современные записки», «Числа», «Круг», «Якорь» и др.

Вернувшись в 1955 году в СССР, Юрий Софиев оказался в Южном Казахстане, в городе Алма-Ате, где продолжал много писать, несмотря на то, что его литературная деятельность находилась под негласным запретом советской цензуры. Поэт безуспешно пытался опубликовать свои стихотворения в республиканском литературно-художественном журнале «Простор» и других изданиях: «Книгу его стихов "Парус", подготовленную к изданию в "Жазуши" (Алма-Ата), "зарезали" – эмигрант, бывший белый офицер. Он был по-прежнему вне закона, несмотря на все усилия ради блага своей страны и

декларации любви к социализму». [Чернова 2011: 203] Не удивительно поэтому, что Софиев пытался напомнить о себе в самых различных изданиях. В письме к писателю А.В. Эйснеру он иронизировал: «С 1960 г. взяли меня в сотрудники альманаха «Охотничьи просторы» и «Туристские тропы». [Софиев 2012: 71]

Любовь к природе, тонкая наблюдательность опытного рыболова и охотника позволили Юрию Борисовичу, невзирая на негласный запрет, опубликовать несколько стихотворений в альманахах «Охотничьи просторы» и «Рыболов-спортсмен», выходявших в издательстве «Физкультура и спорт» и напоминавших дореволюционные научно-художественные издания, такие, как «Охотничий календарь» Л.П. Сабанеева (1892), «Вестник русского союза рыболовов-удильщиков» П.Г. Черкасова (1904), «Рыболов-охотник» Ф.П. Кунилова (с 1909 по 1917), «Охотничий вестник» под редакцией В.Д. Гальяра (с 1901 по 1918) и другие, в которых зачастую публиковались художественные произведения «по всем отраслям охоты и природоведения». Правда, направленность советских журналов несколько отличалась парадоксальным упором на развитие патриотизма и спорта. Так, например, в редакционной статье журнала «Рыболов-спортсмен» отмечалось: «...весь материал сборников, независимо от литературных форм его изложения, должен быть подчинен воспитанию у читателей:

- а) советского патриотизма, любви к своей великой Родине;
- б) бережного отношения к природным богатствам страны <...>;
- в) моральных и волевых качеств, присущих советским спортсменам, а также:
- г) пропаганде рыболовного спорта, как одного из видов активного и культурного отдыха трудящихся и его оздоровительного значения...». [Рыболов-спортсмен 1958: 4]

Совершенно не удивительно в таком контексте, что стихи и очерки мало кому известного реэмигранта¹ имели мало шансов на публикацию. И все же это произошло. В «Охотничьих просторах» были опубликованы стихотворение «Мать мне пела Лермонтова в детстве...» (№15 за 1960 год) и очерк «В камышах реки Чу» (№ 17 за 1962 год), в «Рыболове-спортсмене» – стихотворение «На рыбалке» (№ 19 за 1963 год).

¹ Справедливости ради следует отметить, что Н.П. Смирнов узнал в своем казахстанском корреспонденте автора стихотворения «Чем сердце жило?..», опубликованного в «Русском сборнике» в 1946 году. [Софиев 2012: 65]

Альманах «Охотничьи просторы» начиная с середины 50-х годов благодаря члену редколлегии Николаю Павловичу Смирнову проводил довольно смелую редакционную политику: в 6 выпуске его была помещена первая большая подборка стихов И.А. Бунина, «с творчеством которого молодежь почти незнакома». [Охотничьи просторы 1956: 3] Можно предположить, что именно организация в журнале поэтического раздела и послужила поводом для обращения Ю.Б. Софиева в редакцию.

Стихотворение Юрия Софиева представляло собой интерес для редакции «Охотничьих просторов»², очевидно, прежде всего тем, что создавало эффект существования определенной литературной преемственности: в софиевском тексте отчетливо проступали принципы бунинского пейзажа с его «сложной временной и пространственной проекцией». [Ковалева 2005: 208]

Мать мне пела Лермонтова в детстве.

О Европе³ рассказал Толстой.

И сияло море по соседству

С нашим домом, лес шумел большой.

Черный сеттер с верностью до гроба

Неизменно следовал у ног.

В эти годы с ним мы были оба

В полной власти странствий и дорог.

И когда я взбрасывал за плечи

Старое отцовское ружье,

Нам обоим, радостно беспечным,

Счастьем раскрывалось бытие.

О суровый берег бились волны,

Колыбелью жизни предо мной

Океан вздымался, мощью полный,

Полной увлекаемый луной.

Мы сидели молча, в жизнь вникая,

Белокурый мальчик с черным псом.

А планета наша голубая

² См.: «... у нас не так много поэтов, пишущих на охотничьи темы и <...> было бы слишком скучно ограничиться печатанием лишь стихов с гоном и стойкой, выстрелами и "трофеями". Наряду с чисто охотничьими стихами редакция будет печатать и пейзажные стихи, и стихи, посвященные чувствам и переживаниям человека в природе, поскольку красота охоты неразрывно слита с красотой природы». [Охотничьи просторы 1956: 3]

³ См.: «...к сожалению, вместо «О Ершке рассказал Толстой...» напечатали «О Европе»!!!» [Софиев 2012: 71]

Кренилась в пространстве мировом.
Что ж с того, что навсегда потерян
В этот детский мир обратный путь?
Родины распахнутые двери
Взрослым счастьем наполняет грудь.
[Охотничьи просторы 1960: 106]

Для 5-ст. хорея, которым написано это стихотворение, «характерны динамическая тема дороги в сочетании со статической темой безнадежного скорбного одиночества и смертного ожидания» [Гаспаров 2000: 13], восходящие к так называемому «лермонтовскому циклу» (К.Д. Тарановский), начатому стихотворением «Выхожу один я на дорогу...» [Тарановский 1963; Вишневский 1985] Мотив дороги-судьбы, близкий Софиеву еще со времени увлечения акмеистической эстетикой Николая Гумилева, разворачивается в этом стихотворении сквозь призму детских ощущений, скорректированных размышлениями взрослого человека, о чем свидетельствуют ретроспективные завязка («Мать мне пела Лермонтова **в детстве**») и концовка («**Взрослым** счастьем наполняет грудь»). Воспоминания наполнены сравнениями и метафорами, среди которых выделяются абстрагированные формы («счастьем раскрывалось бытие», «колыбелью жизни», «в полной власти странствий и дорог», «планета голубая», «родины распахнутые двери», «взрослое счастье»). По степени символизации художественного пространства это стихотворение напоминает поздние произведения А.А. Блока. [Минц 1980; Соколова 1984] При этом следует отметить, что образ ружья, до того не часто появлявшийся в лирике Софиева, в 50–60 годы становится одним из наиболее выразительных в его творчестве. Недаром он обнаруживается даже в дневниковых записях, маркируя собой важнейшие размышления: «Как хочется побродить по родным просторам с ружьем, только направленным не против человека». [Софиев 2012: 46]

Особыми чертами выразительности обладает в лирике Юрия Софиева и еще один образ-деталь – удочка, связывающийся не только с пейзажной, но и философской тематикой. В стихотворении «На рыбалке», ставшем результатом сотрудничества с редакцией «Рыболова-спортсмена»⁴ в котором, естественно, присутствуют удочки и поплавки, основное внимание лирического героя оказывается

⁴ В публикации стихотворение помещено без названия.

сосредоточенным на образе неизвестного собеседника, история жизни которого, как и в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» (1956), раскрывается через неторопливую беседу:

Медлительное облаков движенье
В осенней просини. Несет река
Мир тишины и зыбких отражений,
Заколебавшихся у полавка.
Взмах!

Резко чертит удочка кривую...
Сверкнув на солнце мокрой чешуей,
Расплачивается за роковую
Свою ошибку окунь небольшой...
Тут кто-то, подошедший незаметно,
Мне говорит приветливо:

– Клюет!

И я ему с приветствием ответным:
– Присаживайтесь! Место есть...

И вот –
Плывет дымок табачный над рекою...
О рыбной ловле, жизни и судьбе
По-дружески беседует с тобою
Еще вчера совсем чужой тебе.

[Рыболов-спортсмен 1963: 31]

Руссоистские идеи сближения с природой реализуются в тексте этого стихотворения за счет неторопливого описания процесса рыбной ловли, который уничтожает социальные и идеологические барьеры: не случайно, что неведомый спутник никак не характеризуется, даже имени его в тексте стихотворения нет. Зато на фоне молчаливой природы намного отчетливее и художественно выразительнее звучит диалог рыбаков, переходящий в дружескую беседу «о рыбной ловле, жизни и судьбе», словом – обо всем на свете.

В таком стилистически упрощенном художественном контексте наиболее полно выражается творческая установка поэта на правдивость и откровенность, о которой Софиев писал в своем Дневнике: «Для меня искусство должно быть прежде всего предельно искренним и правдивым. Всегда в какой-то мере это "исповедь автора" и, прежде всего, перед самим собой. И если он не берется за это дело с сознанием полной ответственности за каждое слово, за каждую мысль, тогда не предаст он ни жизненной, ни художественной правды».

[Софиев 2012: 123–124] Очевидно, именно это чувствовали советские редакторы, которые, невзирая на жесткий идеологический пресс, все же публиковали материалы не совсем благонадежного автора. В Дневнике Софиева об этом есть такая запись: «Сегодня из «Рыболов-Спортсмен» получил рецензию на мое стихотворение некоего Н. Ковалья, члена редколлегии альманаха. Стихи ему передал Н.П. Смирнов.

«Уважаемый товарищ Софиев!

Стихи ваши написаны на нужную тему – рыбалка сближает людей, – и мы охотно напечатали бы их при Вашем согласии на некоторые поправки. Как-то не очень вяжется с осенью глагол "сияет". Поищите другой или дайте с ним определение осени. Во второй строфе слишком много действий, перечисляемых (и только) одно за другим – нельзя ли ту же картину выразить другими словами, убрав перечисление?

В третьей строфе непонятно: кто кому указал на место рядом – нехваткой местоимения. В четвертой – употребление глагола "беседует" требует указания с кем? "Чужой тебе" – еще достаточно, чтобы понять, кто собеседник. Даже повторение местоимения здесь было бы простительно: "Беседует с тобою дружелюбно / Еще вчера совсем чужой тебе" – но в этой (...) уйдет слово «тепло», а это жаль. Подумайте!

С уважением, член редколлегии (...) "Ф.С., Н. Коваль"». [Софиев 2012: 82]

Показательно, что Юрий Борисович частично принял правку редколлегии, но все же оставил в окончательном варианте слово «чужой», на котором во многом строится образно-тематическая структура стихотворения.

В 60-е годы, на закате жизни, в лирике Юрия Софиева начинают преобладать ностальгические мотивы, тесно переплетающиеся с реалиями окружающего его мира. И в такой перестройке системы образов нет ничего противоестественного: поэт-эмигрант с жадностью поглощал все, чего был лишен долгие годы. Но при этом в письме к Владимиру Брониславовичу Сосинскому⁵ он обозначает намечающийся у него творческий кризис, вызванный невозможностью откровенного разговора с читателем: «...совсем не могу писать стихов, <...> дошел до "непоправимо белой страницы", <...> постоянно

⁵ Сосинский-Семихат Бронислав Рейнгольд Владимир (1900–1987) – прозаик, критик. Вернулся в Россию в 1960 году. См.: [Русская литература XX века 2005: 412–413].

натякаюсь в большинстве написанных стихов на совершенно нестерпимую для меня полуправду или просто на откровенную ложь и фальшь <...> Но вот что я заметил, если раньше для меня основное в поэзии, основное в жизни было "мира восторг беспредельный", который вообще-то заслонял от меня не только "сердца горестные заметы", но и боль, и печаль бытия, то теперь получается нечто обратное. "Мира восторг беспредельный" теперь все чаще и чаще заслоняется "сердца горестными заметами", болью, негодованием, печалью, ненавистью к фальши, демагогии, полуправде». [Софиев 2012: 259]

Верный товарищ Софиева по эмиграции Виктор Мамченко, тоже поэт, с горечью констатировал в одном из своих писем: «За рубежом ты был (прежде всего) поэтом, литератором <...> затем, мне показалось, ты променял "Пегаса" на "автомобиль", "Олимп" – на "лабораторию", и очень мне было обидно, что ты оторвался от певчей стаи поэтов». [Звезды в аду 2008: 176]

Такое непонимание со стороны друзей и родных, пошатнувшееся здоровье и диктат всесильной идеологической цензуры, вполне возможно, и создавали у поэта ощущение тотального одиночества, некоего художественного вакуума. «Стал писать я не только посредственные, но просто плохие стихи, – отмечал Юрий Софиев в своем дневнике. – Вероятно, по ряду уже личных причин. Думается, что лучшие вещи были написаны в годы 35–47-е». [Софиев 2012: 18]

Подобная самокритичность была следствием того, что поэтическая карьера Ю.Б. Софиева в послесталинской России явно не сложилась: творческие поиски закончились, клеймо неблагонадежности не позволяло найти свой путь к читателю. Советская власть не поощряла свободную деятельность художников и уж тем более – бывших эмигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном механизме культурной памяти. – М.: Российск. гос. гуманит. ун–т, 2000. – 289 с.

Вишневский К.Д. Экспрессивный ореол пятистопного хорея // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. – М.: Наука, 1985. – С. 94–113.

Звезды в аду. Письма В. Мамченко Н. Кноррингу и Ю. Софиеву / Публ. Н. Черновой // Нива. – 2008. – № 3. – С. 152–187.

Ковалева Т.В. Русская поэзия для детей: от Лаврентия Зизания до Ивана Бунина / Орлов. гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т филологии ОГУ. – Орел, 2005. – 240 с.

Мицц З.Г. Блок и русский символизм // Литературное наследство. – М., 1980. – Т. 92. – Кн. 1. – С. 98–172.

Охотничьи просторы. – 1956. – Кн. 6. – 448 с.

Охотничьи просторы. – 1960. – Кн. 15. – 295 с.

Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: биобиблиографический словарь: В 3 т. / под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 3. – 830 с.

Рыболов-спортсмен. – 1958. – Кн. 10. – 262 с.

Рыболов-спортсмен. – 1963. – Кн. 19. – 224 с.

Соколова Н.К. Поэтический строй лирики Блока: (лексико-семантический аспект). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 115 с.

Софиев Ю.Б. Вечный юноша. Дневник. – Алматы, 2012. – 380 с.

Софиев Ю.Б. Синий дым. Стихи и проза. – Алматы, 2013. – 244 с.

Тарановский К.Ф. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. – The Hague, 1963. – Vol. I: Linguistic Contributions. – P. 287–332.

Чернова Н.М. Птица, залетевшая к ангелам. – Алматы: Седьмая верста, 2011. – 388 с.

Статья рекомендована д.ф.н, проф. П.А. Ковалевым